

В начале был спор или история возникновения Кыновского завода

Пролог. Все дороги ведут в архив.

Россия – страна с непредсказуемым прошлым, каждый новый правитель корректирует историю под злобу нынешнего дня, и конца этому не видно. Но есть в изменчивом море интерпретаций островки стабильности – это архивы. Хотите узнать, «как все было на самом деле» - идите туда.

С группой учеников Кыновской школы №65 мы пришли в Лысьвенский городской архив. Цель – найти документы по истории Кыновского завода Строгановых. Заведующая архивом Фаина Александровна Треногина предлагает нам описи дел, из которых мы выбираем нужные для поиска.

А, собственно, какова интрига? Что за тайны мадридского двора в архиве провинциального городка? Обозначьте проблему.

Проблема – история основания Кыновского завода. И раскладывается она на три «почему»:

А) почему завод был основан на речке Кыну, хотя по Чусовой подобных малых речек десятка два наберется,

Б) почему завод был основан Строгановыми, а не другими Уральскими заводчиками,

В) почему он был основан в правление Елизаветы Петровны – ни раньше, ни позже.

Пахнувшие пылью и временем папки. Строго пронумерованные ветхие листы, выцветшие чернила, непривычная орфография. То четкий писарский почерк, то летящая скоропись, то небрежные ремарки человека, уверенного, что даже самое неразборчивое его слово будет прочитано, а воля – исполнена. Есть в архивном поиске своя поэзия, как и во всяком настоящем деле. Фаина Александровна нет-нет да и заглянет в комнату, ненавязчиво контролируя наше обращение с документами.

И вот со страниц пахнуло восемнадцатым веком...

Действие первое. Туз червей. Все козыри в колоде наши.

Сказ про то, как царь Петр Строгановых «задвигал».

В 1715 г. Скончался Г.Д.Строганов, «именитый человек», владелец огромной вотчины в Прикамье, общая площадь которой составляла 6млн. 636 тыс.десятин. 6 марта 1722 года император Петр Алексеевич возвел его сыновей: Александра, Николая и Сергея Григорьевичей Строгановых в баронское достоинство, после чего звание именитых людей, которое Строгановы носили 112 лет, с них было снято.

Отношения между Строгановыми и государством Российским в это время были отнюдь не безоблачными.

С одной стороны, Петр I дарует в 1697-1702т годах Строгановым новые земли по Обве, Косье, Иньве и соляные промыслы – Ленвинские и Зырянские, но с другой – запрещает участвовать в «заводской гонке», ограничивая их прибыли лишь соледобычей. По данным переписи 1715 г., приведенным Строгановским историком Волеговым Ф.А., в вотчине Г.Д.Строганова проживало мужского пола 22079 душ, женского 22564, а всего 44643 души. Перепись выявила 9002 пустых двора, изб и дворовых мест по сравнению с предыдущей переписью 1711 и 1712 гг., и в них отсутствовало 33235 мужчин и женщин. Были выявлены причины отсутствия жителей: 27258 человек или 82% всех отсутствующих находились «в бегах», 4224 человека или 12,7% «скитались в мире», то есть просили милостыню в тех же вотчинах, 1165 человек или 3,5% умерли за истекшие три года, остальные 588 душ ушли в монастыри, были взяты в рекруты и т.п. Жуткая картина всеобщего разорения! Всего за три года 45% населения сбежала из родных мест в

неизвестность под угрозой поимки и наказания, бросив свои дома, зачастую предпочитая сбор подаяния оседлой жизни.

Куда могли бежать тысячи семей, обремененные малолетними детьми? Маловероятно, что направлялись они на неосвоенные вольные земли в Сибирь. Пока доберешься, пока построишь избу, распашешь землю, разделаешь покос - чем семье кормиться? Скорее всего, находили они пристанище на казенных и партикулярных заводах, которые в эти годы активно строились на восточном склоне Урала. Заводы испытывали острую нехватку рабочей силы, и их владельцы охотно принимали беглых, тем более, что и управлять беглыми легче, чем вольнонаемными – они в полной воле хозяев. А тем временем, и сами Строгановы принимают и укрывают на своих землях тысячи беглецов из других мест, в том числе и старообрядцев, и беглых стрельцов. Фактическое население вотчины, таким образом, значительно превышало численность, выявленную переписью, тем более, что по правительственному указу «сказки» о своих крестьянах должны были подать сами помещики. А в интересах помещиков было саботировать перепись: либо тянуть время, либо занижать число душ, либо и то и другое одновременно. Любопытно, что перепись 1710 года на землях Строгановых была проведена только в 1711-1712 гг., что косвенно говорит о ее намеренном затягивании

Первая половина 18 века - время бурного заводского строительства на Урале. Однако Строгановы долгое время, до 1726г., не занимались развитием металлургической промышленности. Петр Первый не разрешил Строгановым организовывать горное дело на западном склоне Урала, хотя в их вотчинах имелось для этого все. Он решил в этом регионе возводить только казенные заводы и в 1720 г. послал на Урал В.Н.Татищева (не случайно первый свой завод – медеплавильный Таманский – Строгановы строят в 1726г., уже после смерти Петра I).

Между Татищевым и Строгановыми немедленно возник конфликт: под строительство заводских центров, а затем и растущих рядом с ними поселков и городов государство конфисковывало их вотчинные земли. В 20-30-е годы на их землях были построены казенные Егошихинский(1723г.), Мотовилихинский(1738г.), Висимский(1736г.), Сылвенский(1739г.) заводы.

Было ваше – стало наше.

Несколько раньше пошатнулись позиции Строгановых на реке Чусовой, стратегической транспортной артерии 18 века. Львиная доля заводской продукции Среднего Урала сплавливалась «железными караванами» по Чусовой.

Еще жалованные грамоты Ивана Грозного отдавали земли по Чусовой во владение Строгановым, но в 18 веке их интересы вошли в противоречие с интересами казны и новых заводчиков, в первую очередь туляков Демидовых. В 1699 году с закладки Невьянского завода началось строительство казенных заводов на восточном склоне Урала. В 1700 был заложен казенный Каменский завод, а в 1703 году от новой казенной Уткинской пристани отправился вниз к Каме первый «железный караван». Уткинская казенная пристань находилась на тех землях, которые еще по переписи Яхонтова 1579 года входили в Чусовской округ Строгановских владений: «...а от реки Сылвы вверх Чусовою рекою до слободы Чусовья сорок верст; а от слободы Чусовья вверх по реке Чусовой до деревни до Калина лугу сорок верст, а от Калина лугу вверх по Чусовой до вогульских улусов и до Утки реки». На картах Строгановских владений 17 века Чусовая со всеми впадающими в нее речками от устья до речки Утки показана в вотчине Строгановых, причем восточной границей их земель показан уральский водораздел. Уже Невьянский завод поглотил часть вотчинных земель Строгановых. По обыкновению, к горному заводу отводились земли в расстоянии 30 верст. Версты же были двух мер: межевая верста – 1000 сажень, путевая верста – 500 сажень. Межевая верста использовалась при размежевании земель, а путевая – при измерении расстояний. Сажень составляла 216 см. Таким образом, межевая верста равнялась 2,16 км, а тридцать верст – 64,8 километра. После изъятий, у Строгановых остался кусок Чусовой от Межевой Утки

до Нижних Чусовских городков, да и эти земли могли быть отторгнуты по воле государства.

Петровская приватизация. Егор Гайдар отдыхает.

Вскоре казенные заводы стали передаваться в частные руки: Петр Первый решил вести горное дело руками предпринимателей, освободив казну от излишних расходов. В 1702 году Невьянский завод был передан Никите Демидову, а несколько позже к заводу была приверстана обширная дача. В грамоте Петра Великаго «1704-го апреля 4-го какова прислана на Верхотурье к стольнику и воеводе Алексею Калетину по протчем велено тулянину Никите Демидову ко отданным ему в Верхотурском уезде Невьянским железным заводам владеть местами землями и угодьями всякими во все стороны по тридцати верст, версты же тогда как Демидову отдача заводов была считались тысячные». Уплатить стоимость завода Никита Демидов обязался его продукцией (столь необходимыми в Северной войне пушками) в течение пяти лет, но управился раньше срока - в два года! Это во сколько же нужно было оценить новый действующий завод при его передаче?

В 1719 году Берг привилегия законодательно закрепила право на поиск, разработку руд и строительство новых заводов за новыми предпринимателями, причем при этом попирались права старых собственников земель, на которых найдены руды.

Государственная нужда в металлах оказалась выше права собственности: «...повелено и каждому дана воля на собственных и чужих землях руды искать, и по объявлении и отводу от Берг коллегии учрежденных мест, что под землею будет копать, плавить, варить и чистить всякие металлы сиречь золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, а также и минералы и потребное строение строить, и в том никому никакого препятствия не чинить; против же того которые изобретенные руды утаят и о них доносить не будут или другой в сыскании устройении и разширении тех заводов запрещать будут, объявлен жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь и лишение всех имений, яко непокорливому, и презирателю высочайшей воли, и врагу обще народной пользы...»

Пробиться в ряды новых заводчиков было нелегко: места заблатованы. Царские любимцы Демидовы спешно расширяли свои владения, строя один завод за другим, пожирая мелких конкурентов (например завод Федора Молодого в бассейне р.Сылвы) и откусывая жирные куски у крупных соперников и у казны. Особенно рады были они вставить шпильку своим главным соперникам Строгановым, выведенным Петром Первым за рамки Берг привилегии: на Строгановских землях можно строить заводы, а самим им на своих же землях – нельзя! А чтобы утешить последних, царь дал им цацу - баронский титул. С тех пор Строгановы все больше сил и внимания стали уделять государственной службе, передав управление своими владениями управляющим.

Кто защищал государственные интересы от самого государства.

Когда же крупные чиновники вставали на защиту государственных интересов поперек интереса Демидовых, в ход шли доносы и клевета, как это случилось с Татищевым. Василий Никитич Татищев был назначен горным начальником заводов Сибирских в 1720г. Он был сторонником строительства казенных заводов, видя их большую пользу для государства, чем от частных. Сразу же по прибытии на Урал Татищев и привезенные им из Петербурга горные мастера И.Блиер и И.Патрушев произвели осмотр всех заводов. При этом Татищев вступил в конфликт с Демидовыми, обнаружив нарушение правил использования рабочей силы и правил выбора мест для заводского строительства со стороны последних. Демидовы, в свою очередь, обвинили Татищева в казнокрадстве, и в апреле 1722г. рассерженный Петр I отзывает Татищева в Петербург для следствия, а на Урал прислал нового горного начальника – генерал-майора Вилема Ивановича де Генина. В течение более чем года – с осени 1722 до декабря 1723 де Генин и Татищев действовали на Урале одновременно. Де Генин убедился в честности Татищева и справедливости его претензий к Демидовым. В Петербурге Татищев был оправдан, но на Урал он вернулся лишь при Анне Иоанновне. «Правда» Татищева противоречила «правде» Демидовых и

убеждению царя-реформатора в целесообразности освоения Урала руками крупных заводчиков. В 1723 году вышел указ о запрещении выплавки металла в «мелких печах», что выбило почву из-под ног у мелких предпринимателей и кустарей. Круг «олигархов», пользовавшихся Берг-привилегией, после этого указа еще более сузился.

Действительное. «Пиковая дама» на престоле Российской империи.

Тройка, семерка, туз. Тройка, семерка... Дама!

После смерти Петра Первого государственная нужда в пушках отошла на второй план: новые войны не планируются, враги какие были – забились в норы, можно торговать с Европой сквозь прорубленное окно, а также через Ревель, Пернов, Ригу, Нарву, Выборг. Заводчики унюхали конъюктуру и переключились с казенных заказов на внешнюю торговлю. Демидовское железо с клеймом «старый соболь» и сейчас можно найти на кровлях лондонского Сити. Уральское железо стало важнейшим экспортным товаром. И вот уже казна соображает, как бы подвинуть частных заводчиков. А новые фавориты шьют камзолы с карманами повышенной емкости под будущие доходы. Назревает передел собственности.

Серьезные противоречия были у Строгановых, , как, впрочем и у Демидовых, с могущественным фаворитом Анны Иоанновны герцогом Бироном. На словах Анна Иоанновна благоволила Демидовым и Строгановым, на деле же не прочь была ограничить аппетиты уральских олигархов: «...по резолюции ...Государыни Императрицы Анны Иоанновны собственные руки 1736-го года ноября 12-го числа на прошение Акинфия Демидова пунктами велено :1-е на ево заводах другим заводчиком руды добывать запретить, и для того ему рудников строить сколько по препорции для ево заводов потребно, а затем ежели останется дать волю и другим,и лесов отвезть столько сколько для ево заводов потребно без излишества и чтоб от того прочим имеющимся впредь заводам оскудения не было» - то есть Демидовым велено объявить все свои железные рудники, необходимые для действия существующих заводов, а необъявленные месторождения в границах их заводских дач становятся свободными для использования всеми желающими! Да еще лесу к ним могут отвезти из тех же дач! Налетай – подешевело. Вот только в очередь желающие ни в правление Анны Иоанновны, ни позже почему-то не выстроились. Проведу аналогию: дрессировщик предлагает добровольцу из зала отнять любимую кость у тигра – посмотрите, это совсем не страшно!

И за дело взялось государство: поблизости от Нижнетагильских заводов Демидова в 1735г. был основан казенный Кушвинский завод на богатейших месторождениях железной руды, указанных вогулом Степаном Чумпиным. Сам же Степан Чумпин был, по преданию, сожжен соплеменниками-вогулами, видимо за оскорбление горных духов. От завода к Чусовой был проложен Горноблагодатский тракт, завершавшийся казенной пристанью Ослянкой.

Выше по течению, при впадении в Чусовую речки Илим, была построена казенная Илимская пристань, а при ней пильный завод и плотбище для строительства барок под казенные нужды. Леса по Чусовой казна забрала под строительство барок для нужд Горноблагодатских заводов. То есть казна отняла железную руду у Демидовых, а лесные угодья – у Строгановых (чтоб никому не было обидно).

В ее же, Анны Иоанновны, правление у Строгановых были отторгнуты земли под строительство упомянутых выше заводов: Мотовилихинского, Висимского, Сылвенского, а «государственник» Татищев возвращен на Урал. Однако запрет Петра I на строительство Строгановыми заводов был забыт – теперь они были не первыми, а равными в ряду других богатейших заводчиков Урала и не могли уже составить другим убийственной конкуренции. И Строгановы начинают реализовывать план по возвращению на Чусовую, втягиваются в «заводскую лихорадку»: 1735 – основан Билимбаевский завод.

Попытка реванша.

Для строительства нового завода необходимо «состыковать» несколько неперемных условий: во-первых – наличие руды, во-вторых – речка, удобная для строительства

заводской плотины, поскольку главные механизмы были вододействующими, в-третьих – наличие леса под угольное жжение, так как металл плавился на древесном угле, в-четвертых – транспортные пути для вывоза готовой продукции, в-пятых – рабочая сила.

Начнем с последнего: откуда взять рабочую силу, Строгановы знали. Транспортными артериями для вывоза металла были Чусовая и Кама. Лесов вокруг – с избытком, правда, значительная их часть уже отмежевана к действующим заводам. Остаются два важнейших условия: руда и «способная» речка. Приказчики Строгановых широко забросили сеть под крупную рыбу. Десятки опытных людей обследовали огромную территорию по среднему течению Чусовой и по Уральскому хребту, не стесняясь «залезать» во владения других заводчиков. Три речки были признаны пригодными для строительства плотин: Межевая Утка, ее приток Ашка и Кын, впадающий в Чусовую с левой стороны.

А вот с рудой... Не нашли Строгановские рудознатцы пригодных запасов железной руды у этих речек, и решили «ущипнуть» кусок от баснословных запасов железных руд... в Демидовских владениях (а запасы эти настолько велики, что разрабатываются по сей день – вот уже более трехсот лет непрерывно). Еще в 1735 году Приказчик Строгановых Наумов нашел недалеко от речки Баранчи в склоне магнитной горы, напротив горы прозванной Жеребцовой, старую яму, а в ней – куски магнитной железной руды. Проведенные им разведочные работы показали, что находка не случайна – запасы значительны. О находке приказчик сообщил своему господину Николаю Строганову, а тот в 1735г. объявил рудное место в Берг-коллегию.

Демидовы отстаивают свои интересы. Их приказчик Мосолов заявляет, «что руда тут копана Акинфием Демидовым и покинута из давних лет», но ему противоречат показания второго Демидовского приказчика Егорова: «...Демидовский прикащик Егоров на посланный к нему из Канцелярии приказ отвечал те места когда обысканы и для чего покинуты не знает, а по ево разумению крайней нужды в рудах не видится, впредь же приключится ли не знает...» Тайный советник Татищев «с товарищами» принимают решение отвести спорное рудное место к Баранчинскому заводу Демидовых – ближайшему по расстоянию, но сын Никиты Демидова Василий отказался принять рудник «...сказал, что оной ему не надобен и будто руда негодна...» Эх, не было у Василия бульдожьей хватки отца и деда, пошла мельчать демидовская порода! Уму непостижимо – на своей земле, в пятнадцати верстах от действующего завода – «не надобен!» Тогда канцелярия Берг-коллегии отдает рудник Строгановым, чему противится только Татищев: у Строгановых здесь нет заводов, как руду плавить? Но и он вскоре ставит на «владенном указе» свою подпись. Рудник отведен, но строить завод подле него Строгановым запрещено, во избежание оскудения лесов.

Строгановы решают задачу на деление,...

Тем временем, над Строгановской вотчиной нависла тень семейного раздела.

После смерти Г.Д.Строганова владелицей имения была его вдова – Мария Яковлевна, скончавшаяся 7 ноября 1733г. По смерти родителей бароны Александр, Николай и Сергей Строгановы решили поделить наследство на три равные части.

По первому разделу 1740г. была поделена семейная собственность, находившаяся в Москве. Второй раздел состоялся 20 мая 1747г., когда братья по жребию «полюбовно» поделили Пермскую вотчину на три практически равные части. Третий, «соляной» раздел состоялся 14 декабря 1749г. Разделу подверглись соляные промыслы и заводы. Таманский завод достался Николаю Гргорьевичу, Юго-Камский – Александру Григорьевичу, Билимбаевский завод на Чусовой – Сергею Григорьевичу. Земли по Чусовой, оставшиеся у Строгановых, разделу не подверглись и считались общим владением.

В заводском строительстве возникла пауза длиной в 11 лет: с 1735 по 1746 Строгановы не построили ни одного завода. Разделы подорвали как экономическое могущество, так и семейную солидарность некогда монолитного клана.

В 1741г. умерла Анна Иоанновна (значит ее указы утратили силу обязательности) закатилась звезда Бирона, Татищев покинул Средний Урал, а в 1741 году гвардия возвела на престол дочь Петра I Елизавету Петровну.

Действие третье. Дама червей и ее валет (черви козыри).

... а Шуваловы – на умножение.

В правление Елизаветы Петровны государство вновь «уходит» из заводского бизнеса, казенные заводы раздаются ее приверженцам Шуваловым, Воронцовым, Чернышевым, причем фавориту императрицы Петру Шувалову достался чуть ли не самый жирный кусок: куст Горноблагодатских заводов (в том числе и Кушвинский), Ослянская пристань, вновь построенный (не позднее 1754 года) Серебрянский завод.

Дуэль на гусиных перьях.

Новую попытку вернуть себе Чусовую Строгановы предпринимают в 1750-е гг. Пока Демидовы вгрызались в гранит на восточном склоне Урала, Строгановы осваивали скользкие дворцовые паркеты и нюансы канцелярской казуистики – они делали карьеру в столице, предоставив управление своими владениями доверенным людям (любопытно, что управляющими у Строгановых, как правило, были не наемные «немцы», а их дворовые люди – «холопы». Дворовый человек полностью зависит от господина: свободный может уйти, а дворовый – верен по гроб). Нанести чувствительную рану сопернику удобнее оказалось не шпагой, а гусиным пером из Петербурга, и оттуда же наблюдать за его яростными метаниями, немедленно наказывая за ошибочные действия. Строгановы готовятся к реваншу.

Строится серия заводов на их исконных землях: 1746 – Юго-Камский, 1752-Добрянский, 1754 – Хохловский, 1754 – Пожевский, 1756 – Нытвенский, 1760- Очерский, 1761-Чермозский. Но на Чусовой они проигрывают и Демидовым, и Шувалову.

Со всесильным Шуваловым лучше не спорить, и Строгановы сумели как-то с ним поладить. Во всяком случае, в тяжбе Демидовых и Строгановых Шувалов держится благожелательно по отношению к последним, даже несколько поступаясь собственными интересами.

В 1753 году снова обследуются места, пригодные для строительства заводов, на этот раз к их освидетельствованию Николай Григорьевич Строганов привлекает государственных служащих: «...по просьбе онаго Господина Строганова прикащиков к построению на упоминаемой речке Кыну завода место с угоды с нарочнопосланными от той Канцелярии в 1753 году Геодезии учеником Оботиным и плотником подмастерьем Ермаковым свидетельствованы по которому их свидетельству оказалось назначенное к построению завода место на речке Кыну». Одновременно обследуются и места по речкам Межевой Утке и Ашке. Но между Строгановыми нет единства: на речку Ашку в 1756г. поступает заявка и от Александра Сергеевича Строганова на строительство там пильной мельницы. Племянник перебегает дорогу дяде. Ну и молодежь пошла! Никакого уважения к старшим.

Высоко сижу, далеко гляжу.

А тем временем Демидовы, пристально следившие за конкурентами с высот Невьянской башни, вновь вступают в борьбу. Летят из их Невьянской канцелярии бумаги в Петербург, в Берг-колегию. Бироновская и елизаветинская волны «передела собственности» несколько уменьшили их владения и напугали дворян Демидовых. Ни шагу назад! Уступи Строгановым мизинец – отхватят руку по локоть.

Межевая Утка была границей между владениями спорящих кланов, и Демидовы изящно отводят претензии Строгановых на эту реку: по ней ежегодно сплавляется в Чусовую несколько барок с продукцией Черноисточнинского, Висимо-Шайтанского и других их заводов. А по указу Петра Первого на судоходных реках строить плотины запрещено, дабы не было помехи судоходству.

В спор о речке Ашке, впадающей в Межевую Утку, вступила третья сила - Его Высокографское Сиятельство Петр Иванович Шувалов. Его Кушвинская заводская

контора требует отвести леса по Ашке и Межевой Утке к Горноблагодатским заводам под строение коломенок – барок для сплава. Стоит только построить на Ашке завод – еловые и боровые леса, пойдут на древесный уголь, а «... на строение коломенок для всех Горноблагодатских заводов может последовать крайний недостаток».

Кын – золотое донце.

Остается последнее место – речка Кын: «... на упоминаемой речке Кыну завода место с уголья ...свидетельствованы,.. назначенное к построению завода место на речке Кыну, от устья ее в трех стах сажнях с обеих сторон горы а по перек сорок сажень, то место крепкое и ко укреплению плотины надежное, течение та речка имеет на переборах в ширину – три с половиной сажени, глубиною четырех вершков, от устьев до вершины с тридцать пять верст, леса около оной стоят наиболее черные суземные, а при устье несколько боровых и дубровных смешанных довольно, к поселению людей пашенных и покосных мест недовольно, а находятся по большей части каменные и лесные места; до сего об этой речке Кыну об построении на оной завода от других заводчиков и прочих прозбы быть по той канцелярии дел не отыскалось».

Демидовы о речке Кыну не спорят, надеясь на то, что с одной стороны – в этих местах заинтересован Шувалов, с другой стороны – Строгановы перессорятся: чусовские земли то считаются общими, как же Николай Строганов поставит на них личный завод?

И как в воду глядели! Планы строительства завода Николаем Григорьевичем на землях по Чусовой вызвали спор между ним и наследниками его братьев – Марией Артемьевной Строгановой (в девичестве Загряжской) и Александром Сергеевичем. Доверенные лица последних послали заявку в Берг коллегия на строительство железного завода на тех же землях, что и Николай Григорьевич Строганов.

Пока Строгановы спорят между собой, Демидовы могут быть спокойны.

Паны ссорятся, а у хлопцев чубы трещат.

Но статский советник барон и кавалер Николай Строганов не собирается отступать от своих замыслов. Он вновь поднимает забытый уже вопрос о железных рудниках по Баранче, тех, которые уже были однажды отданы ему в 1735 году. На Баранчу отправляется баронский приказчик Воронихин с заданием продолжить разведку руды и начать ее добычу. Воронихин находит литеры на старых соснах, свидетельствующие об отводе земель Строгановым: ОРМБС – отвод места рудного баронов Строгановых и делает свежие натесы: ПНС – прииск Николая Строганова, «...а шурфовать оныя места не успел, ибо прикащик Демидовский Махотин согнал ево...» Демидовский приказчик тут же стесывает свежие литеры и клеймит сосны своими: ПРГДД – прииск рудный господ дворян Демидовых. Знай наших! Сила солому ломит.

Рядом со старыми ямами демидовские работники забивают восемь разведочных шурфов, руда возится на Выйский и Нижнетагильский заводы.

Невьянская и контора Демидовых пытается оспорить решение двадцатилетней давности, в Берг-коллегию летят бумаги: «...а Баранчинские де рудники приисканы коштом дворян Демидовых в прошлых давних годах, и несколько руд в 1725 году при Выиском их Демидовых заводе и в плавку произведено было, а в 1739-м году те он рудники покойным Акинфием Демидовым в тамошнюю канцелярию с прочими ведомостью к Нижнетагильскому заводу под №9 объявлены и в опись ... внесены». В Петербург посылаются старые заводские книги, из которых явствует, что руда на Баранче была копана еще при Акинфии Демидове в 1724г, и тогда же возилась на Выйский завод для пробных плавок. Демидовы представляют «живые документы» - рабочих, которые, якобы, ломали руду и возили ее на их завод. Не верите? Найдем еще свидетелей: «... верхотурской ясашной новокрещенной вогуляк Егор Иванов Салкин пришед в Нижнетагильскую контору объявил вышепоказанный магнитный де рудник сыскан умерших дедею ево родным Алексеем Салкиным, и отведен покойному Акинфею Демидову в давних годах, за которое приискание руды оному ево дяде от нево Демидова давано повсегодно немалое награждение да и по умертие того дяди жене ево дается

награждение поныне от Демидовых». Слезы наворачиваются на глаза от демидовского благородства.

Берг-колегия посылает на Урал комиссию для разбора тяжбы в составе маркшейдера Ярцова и берг-гетворина Келлера. Обследовав место рудника, они находят в старинной яме следы давних работ : носилку для руды и железную балду – молот, старинные Строгановские литеры на соснах и свежие Демидовские. Рядом с ямой – сорок три гнилых пня и следы давнего обжига руды. Кем производились работы из осмотра неясно. Ярцов и Келлер опрашивают свидетелей. Демидовские работники единодушно подтверждают версию своих хозяев, но когда приказчики вышли, вогул Егор Иванов Салкин изменил свои показания: «... говорил что де того рудника о котором спор имеется не знает и на нем не был, а говорил боясь оных прикащиков как бы ему от них какого напрасного изнурения и увечья не было, и при том жаловался , что приходили от конторы Демидовых в дом ево и брали ево все барахлишко а жену и детей взяли под караул и за что не знает». Вот это – по-Демидовски!

Собака на сене.

Выплыло еще одно Демидовское лукавство : в их документах рудник означен в пятнадцати верстах от Нижнетагильского завода, а Ярцов и Келлер намерили девятнадцать верст. В пятнадцати же верстах от Нижнетагильского завода никаких рудников нет!

Демидовы парируют это замечание: расстояние мерилось не до Нижнетагильского, а до Выйского завода, на котором и велась плавка руды, чему в свидетельство предоставлены конторские книги с ведомостями за оплату ломки и возки руды.

Но берг-колегия внимательна: в демидовских книгах обнаружены подчистки, а «...по ведомостям, каковы требованы были Высокоправительствующим Сенатом, подаваемых в разных годах, выплавках чугуна при Выйском заводе в том 1725 году не показано, и сие лутшее и достоспорнейшее свидетельство нежели их представляемые книги и работники; ибо книги их партикулярные , и когда хотят тогда и могут переделать, а работники показать пристрастно». Демидовых, что называется, ловят за руку: завод-то их Выйский в 1725 году вообще чугун не выплавлял, не был еще достроен!

И даже если этот рудник и был когда отведен Демидовым, то они потеряли на него право: «...по Берг привилегии изъясняется, что подземное богатство право монаршее и кому порядочным образом не отдано и не отведено будет, владеть тем никто не может, да кому и отдано будет, а он через год на том месте работы непроизведет ,таковые места по учреждении Берг-коллегии повелено брать в казну или отдавать другим. А на вышепоказанных местах, хотяб и оных Демидовых прииску были в 1702 и 1722-ом годов, никакой работы непроизвожено, и потому видно с демидовской стороны ныне требуют только для одного захвату, не хотя допустить до того промыслу других, через которых бы плод произведен был государству».

Демидовы ссылаются на то, что леса по Баранче отмежеваны к их Нижнетагильским заводам, а леса по Чусовой на сто лет отданы Горноблагодатским заводам графа Шувалова, следовательно, ни плавить, ни даже обжигать руду на месте Строгановы не имеют права.

Сообразим «на троих»?

И тут выплывает наружу альянс Николая Строганова и Петра Шувалова. Угадайте, кто в России главный межевщик? В чьей воле отводить земли одним и отбирать их у других? Приведу полный титул этого лица: Генерал фельдцеймейстер и Сенатор ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ,Генерал адъютант, действительный Камер Гер, лейб компании подпоручик, Государственный межевщик, Ордена Апостола Андрея, Белого орла, Святого Александра Невского и Святые Анны кавалер Граф Петр Иванович Шувалов. Ему принадлежит инициатива соломонава решения, устанавливающего баланс интересов Строгановых, Демидовых, и его – Шувалова: «... Баранчинские железные рудники записать за помянутым Бароном Николаем Строгановым, и отвести под каждый

рудник по двести по пятьдесят сажен в длину и ширину, что же принадлежит к построению для переплавки тех руд завода, канцелярия Главного заводов правления представляет заспособное место на речке Кыну, буде согласится от протчих двух Баронов Строгановых...», «... а лесами ... можно удовольствоваться по течению реки Чусовой с левую сторону из состоящих ныне за межеванием к помянутым выше Горноблагодатским заводам на столетнее время...» Итак, под рудники отводятся пятачки земли с гулькин нос, а под завод – речка в ста верстах от рудников. Да и о той спорят все трое Строгановых! А пока они спорят – сколько еще воды в той малой речке Кыну утечет!

Тем временем, в 1758 году умирает Николай Григорьевич Строганов, оставив шесть сыновей и пять дочерей. Но пока не вступили в наследство его потомки, он считается главным истцом, из могилы продолжает он спорить за права рода Строгановых.

И тут случилось нечто неожиданное: доселе спорившие между собой Строгановы выступили солидарно: «... Баронесса Мария Строганова челобитную, а Барона Александра Строганова поверенной служитель Павел Икосов скаскою объявил что они Баронесса и помянутой Барон Александр Строганов в тех на речке Кыну местах и в потребных к заводу тому лесах не спорят и впредь спорить не будут...» Последнее препятствие устранено!

Эпилог. Точки над і расставила императрица Елизавета Петровна.

**« УКАЗ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ**

... вышепоказанные рудники приписать к новостроящемуся на речке Кыну доменному заводу, и о владении вышеписанным заводом и рудниками означенному Барону Николаю Строганову дать указ с прочетом, и Господам Генерал Губернатором, Губернатором, вице Губернатором, воеводам, прочим начальствующим о вышеписанном ведать, и чинить по сему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Указу... Дан в Москве февраля 16-го дня 1759 года».

Уже из могилы кончиком гусяного пера достал Николай Строганов своих соперников Демидовых, а там, где оставило это перо легкую точку на карте, сын его Александр Николаевич, начал строить новый завод на Чусовой. Так началась стопятидесятилетняя история Кыновского чугунолитейного и железоделательного завода графов Строгановых.